

В.И. Кельсиев

**Пережитое и передуманное
воспоминания**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Кельсиев**
Пережитое и передуманное: воспоминания / В.И. Кельсиев – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 444 с.

ISBN 978-5-517-83755-4

ISBN 978-5-517-83755-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Прїѣздъ мой въ Яссы изъ Галичины. — Мое нравственное состо-
яніе. — Царегородскія разочарованія и Тульчанскія неудачи. — Смерть
овоихъ. — Выѣздъ на Западъ. — Жизнь въ Вѣнѣ. — Впечатлѣніе
политическихъ споровъ. — Результаты. — Будущность славян-
ства. — Поѣздка въ Галичину.



..... **Въ** Яссы я прибылъ 4 ноября 1866 г.
съ твердымъ намѣреніемъ окончить
въ «Голосѣ» мое «Путешествіе по Галичинѣ», и за-
тѣмъ посвятить лѣто 1867 г. на изученіе Молда-
віи и Валахіи, двухъ совершенно неизвѣстныхъ у
насъ странъ. Зиму, которую мнѣ приходилось про-
вести въ грязной столицѣ Молдавіи, собирался я про-
сидѣть за книгами въ библіотекахъ, составить зна-
комство съ передовыми дѣятелями румынской на-
ціональности и такимъ образомъ воспользоваться
несправедливостью графа Голуховскаго, который,
самъ не зная за что, изгналъ меня изъ Австріи, по
одному, ни на чемъ не основанному и совершенно

не заслуженному подозрѣнію, будто я русскій агентъ.

Съ первыхъ же дней по приѣздѣ въ Яссы, я засѣлъ за работу, — но одиночество и отсутствіе знакомыхъ, сосредоточенность и до нѣкоторой степени осѣдлая жизнь стали наводить меня на раздумье. Знакомыхъ у меня еще не было, — я почти не выходилъ изъ номера гостиницы, въ которой остановился. Чтеніе мое ограничивалось скудными произведеніями галицко-русской литературы, которыя я вывезъ съ собою изъ Австріи, изученіемъ славянскихъ граматикъ, да номерами «Голоса», которые мнѣ присылались изъ Петербурга. Въ этомъ-то уединеніи, въ этой замкнутой жизни, во мнѣ начала происходить та страшная внутренняя драма, которая кончилась возвращеніемъ моимъ въ Россію.

Отъ агитаторства, отъ всего того, что можно характеризовать общимъ, хотя не совсѣмъ вѣрнымъ, названіемъ революціонерства, я былъ вынужденъ отречься еще въ Цареградѣ, въ 1862.—63 г., когда ходъ польскаго возстанія и паденіе нашихъ, такъ-называемыхъ нигилистовъ, сильно

потрясли во мнѣ вѣру въ осуществимость нашихъ идеаловъ, а близкое столкновение съ политическими дѣятелями и съ народомъ раскрыло мнѣ съ безпощадной ясностью невѣжество однихъ и неподготовленность другихъ. Ложь стала такъ ясна, что всякая практическая дѣятельность подъ прежнимъ знаменемъ оказалась для меня невозможной: проповѣдывать то, чему не вѣруешь, строить то, чего очевидно нельзя было построить,—было противно. Было выше моихъ силъ. Возвратиться въ Россію тогда не было возможности: во-первыхъ меня ожидала бы каторга, а во-вторыхъ у меня была на плечахъ семья, которой я былъ единственной опорой и поддержкой. Люди же стали мнѣ противны, — ихъ фразы, ихъ либеральничанье, ихъ консерватизмъ и радикализмъ возмущали мнѣ душу. Я одно понималъ: что мнѣ нужно куда-нибудь уйти, въ какую-нибудь пустыню, гдѣ бы я никого не видалъ, гдѣ не слыхалъ бы фразъ и гдѣ не читалъ бы газетъ. Если бы я былъ одинокимъ человѣкомъ, я или постригся бы на Афонѣ, или пошелъ бы пѣшкомъ куда-нибудь въ Индію, или забрался бы куда-нибудь на Тихій Океанъ—у меня тогда была нешуточная потребность отрѣшиться отъ міра, и я могъ бы

сдѣлаться Робинзономъ Крузо. Если я не пустилъ себя пули въ лобъ, — то единственно по чувству долга къ своей семьѣ.

Случай, стеченіе странныхъ обстоятельствъ, дало мнѣ возможность забраться въ Добруджу и сдѣлаться тамъ казагъ-баши (атаманомъ неграсовцевъ), гдѣ мнѣ хорошо бы жилось и гдѣ я могъ бы остаться до сихъ поръ, если бы не личныя потери (смерть брата и самоубійство Краснолѣвцева), и если бы въ характерѣ моемъ была та завидная твердость и стойкость, которая даетъ возможность набивать карманы, ловя рыбу въ мутной водѣ. Я бросилъ Тульчу — холера 1865 г., въ Молдавіи, лишила меня всего моего семейства. Я остался одинъ, безъ вѣры, безъ упованій, съ ненавистью ко всему существующему. Я сосредоточился, ушелъ въ себя и пришелъ къ такимъ отрицаніямъ, до какихъ едва-ли кто-нибудь доходилъ.

Я проклялъ міръ, родъ человѣческой, мысль, чувство, свой воспоминанія и свои надежды, — и нѣсколько мѣсяцевъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, велъ жизнь Діогена, не по нуждѣ, не въ силу какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ, но изъ боязни имѣть что-нибудь свое, хоть бы свой

уголь, лишній носовой платокъ; я хотѣлъ довести себя до возможности ничѣмъ не дорожить, ничего не жалѣть, ни къ чему не привязываться, а составлять только публику при переверотѣ стихій и при катастрофахъ рода человѣческаго.—Но діогенство мое, этотъ послѣдній якорь спасенія,—оказалось тяжкой. Я дошелъ до того, что не признавалъ себя принадлежащимъ къ какой-нибудь національности, что былъ искреннимъ космополитомъ, что ходилъ, по принципу, въ лохмотьяхъ, что не имѣлъ квартиры и ничѣмъ не брезгалъ, что ни въ чемъ не нуждался, но я одного въ себѣ не могъ заглушить—мысли. Мнѣ кажется, когда я обсуждаю эти тяжелые годы моей жизни послѣ моего разочарованія въ 1863 г., что человѣкъ можетъ ото всего отказаться и можетъ въ себѣ все подавить,—кромѣ потребности ѣсть и думать. Мысль возникаетъ у насъ въ головѣ такъ же помимо насъ, какъ въ желудкѣ развивается аппетитъ помимо нашего произвола. Чѣмъ меньше стараешься думать, чѣмъ меньше стараешься рассуждать, тѣмъ мысль пристааетъ безотвязнѣй, тѣмъ умъ работаетъ скорѣй, и скорѣй подыскиваетъ матеріалы для своей работы. Арестантъ, которому не о чемъ думать, создаетъ себѣ иску-

ственные интересы, изучаетъ наружность своихъ караульныхъ, считаетъ, сколько шаговъ въ его комнатѣ, сколько клѣтокъ въ обояхъ, сколько досокъ въ полу, наблюдаетъ нравы разныхъ пауковъ и таракановъ, именно въ силу этой потребности чѣмъ-нибудь занять свою голову. Въ періодъ моего діогенства я никакъ не могъ отказаться отъ передумыванья разныхъ старыхъ, прежде дорогихъ мнѣ, научныхъ вопросовъ о славянской мифологіи и филологіи, которыми я занимался въ былое время. Грамматическія формы и обрывки мифовъ то и дѣло носились у меня въ памяти и невольно сосредоточивали на себѣ все мое вниманіе, — а отъ мірскаго и житейскаго умъ мой сталъ совершенно свободенъ. И чѣмъ дольше шло время, и чѣмъ болѣе я ломалъ себя, стараясь уйдти въ своего рода буддійскую нирвану безмятежности и самозабвенья, тѣмъ дороже и дороже становилась для меня наука и тѣмъ сильнѣй и сильнѣй, противъ моей воли, противъ моего желанія, разгоралась во мнѣ охота посвятить себя умственной жизни. Потребность въ книгахъ, потребность въ свѣжемъ воздухѣ, въ умныхъ разговорахъ стала невольно охватывать мою душу, свободную отъ всякаго патріотизма, смѣявшуюся

надъ служеніемъ какому-нибудь принципу или какимъ-нибудь благамъ рода человѣческаго, — и меня снова потянуло на западъ, гдѣ цвѣтеть эта наука, гдѣ есть библіотеки, академіи, и гдѣ, можетъ быть, найдутся люди, съ которыми будетъ стоять подѣлиться тѣми страшными выводами—о мірѣ, о жизни и о человѣкѣ, къ которымъ я пришелъ на этихъ пустынныхъ берегахъ Дуная.

Была весна. Листъ развертывался. Съ юга на сѣверъ тянулись птицы стая за стая, и ихъ радостные, оглушительные крики, казалось, вливали въ душу какую-то бодрость и какую-то свѣжесть. — Удивительное дѣло весна! — сколько силы и сколько свѣжести вливаетъ она въ душу, и сколько ранъ залечиваетъ ея юношеское дыханіе...

Я очутился на пароходѣ, шедшемъ вверхъ по Дунаю. Буда я ѣхалъ — я не зналъ. У меня не было ни одного плана. Мнѣ хотѣлось прежде всего разстаться съ этими полудикими, полутупѣлыми странами, гдѣ нельзя отыскать ни одной живой души, ни одной умной головы, ни одного свѣжаго человѣка. Я ненавидѣлъ этотъ край умственного сна, фразистаго образованія, грубо-меркантильныхъ расчетовъ, гдѣ все, что не приноситъ ни

денегъ, ни карьеры, считается безуміемъ, гдѣ на меня дивились, а понять не могли, хотя и старались понять.

Пароходъ сталъ подходить къ Вѣнѣ. Я сообразилъ, что въ Вѣнѣ я еще никогда не жилъ, и что познакомиться съ ней стоитъ, что въ Вѣнѣ много славянъ, и что профессоръ церковно-славянскаго языка тамъ—самъ знаменитый Миглошичъ; что въ вѣнской императорской библіотекѣ должно быть множество славянскихъ книгъ, и что изученіе славянства легче производить въ Вѣнѣ, чѣмъ въ Парижѣ, Гёттингенѣ или въ Эдинбургѣ.—Короче сказать, я остановился въ Вѣнѣ просто потому, что мнѣ все равно было гдѣ остановиться,—весь земной шаръ былъ для меня домомъ; отечества у меня не было, квартиры тоже, про имущество свое я могъ совершенно вѣрно сказать: *omnia mea secum porto*..... я остановился въ Вѣнѣ такъ, какъ на прогулкѣ садишься не на ту, а на эту скамейку. Вѣна показалась мнѣ удобообитаемой, и я поселился въ ней, разчитывая, что если завтра мнѣ въ Вѣнѣ не понравится, то переберусь въ Мюнхенъ, въ Римъ, въ Прагу, въ Копенгагенъ.....

Первымъ долгомъ по приѣздѣ въ Вѣну было на-

дѣтъ на себя нѣсколько человѣческое облаченіе, умыться, остричься и вообще измѣнить наружность бродяги на студенческую, затѣмъ получить право ходить на лекціи славянскаго языка, санскрита, зенда и сдѣлаться постояннымъ посѣтителемъ Славянской Бесѣды. *) Совершить эту операцію было недолго, и недѣли черезъ двѣ я ужъ былъ полнымъ гражданиномъ Вѣны въ качествѣ дунайскаго раскольника (хлыстовской секты);—я объявилъ, что я турецкій подданный Василій Петровичъ Ивановъ-Желудковъ, который много путешествовалъ для изученія сектъ и уже давно занимается изслѣдованіями по части славянства — преимущественно-же этнографіей и миѳологіей. Приличная обстановка, комфортъ, порядочное общество и вообще всѣ условія европейской жизни произвели во мнѣ такую рѣзкую перемѣну, что мое недавнее діогенничанье ужъ казалось мнѣ какимъ-то смутнымъ и страннымъ сномъ. Не признавая себя русскимъ и все еще отрицая всякую свою солидарность съ интересами рода человѣческаго, я тѣмъ не менѣе съ большою охотой вдавался во всякіе политическіе споры

*) Клубъ, въ родѣ артистическаго кружка или собранія художниковъ въ Петербургѣ.

моихъ знакомыхъ, и приводилъ ихъ въ ужасъ и негодование своимъ отрицаніемъ.

Быть патриотомъ казалось мнѣ ниже человѣческаго достоинства, а стараться сохранить національный языкъ, обычаи и вѣру, сознавая въ глубинѣ души, что этотъ языкъ, обычаи и вѣра несравненно ниже и неразвитѣе хоть бы тѣхъ же нѣмцевъ, — казалось мнѣ до того узкимъ и нечестнымъ, что я не могъ относиться къ славянамъ иначе, какъ съ презрѣніемъ. Меня привязывала тогда къ славянамъ единственно научная сторона вопроса, — какъ археологъ можетъ крайне интересоваться каменнымъ періодомъ, нисколько не считая его лучше бронзоваго, а тѣмъ болѣе желѣзнаго. Затѣмъ, вопли славянъ противъ германизации и мадьяризации казались мнѣ несправедливыми: германская и мадьярская національность все же выработала хоть что-нибудь въ сравненіи съ какой-нибудь словацкой, сербской, или даже и самой чешской. Не лучше ли брать готовое? думалъ я; не лучше ли просто онѣмечиться, чѣмъ на *tabula rasa* славянства воздвигать новыя постройки, которыя еще, Богъ знаетъ, удадутся или не удадутся. Вообще, первое впечатлѣніе мое отъ знакомства съ славянской интеллиген-